

К ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ О ДРЕВНЕМ МИРЕ (1917—1967)

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ В АРМЯНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История древней Армении — как отдельная дисциплина, охватывающая период с древнейших времен до IV—V вв. н. э., — является одной из самых молодых отраслей арменоведения, она — детище советской армянской историографии, а ранее выступала в совокупности с историей средневековой Армении. В советской историографии, вооруженной марксистской методологией, шаг за шагом была разработана концепция социально-экономического развития древней и средневековой — феодальной Армении. В процессе разработки четко выявились особенности этих двух периодов истории армянского народа как в части социально-экономического и общественного строя, так и в части государственного строя и культуры.

За прошедшие десятилетия армянскими историками были изданы многочисленные монографии, публикации и статьи, а также сводные, обобщающие труды, в которых получили освещение и решение многие вопросы истории древней Армении, группирующиеся вокруг основных проблем — происхождения и образования армянского народа, социально-экономического строя древней Армении, ее политической истории и, наконец, источниковедения. В исследование ряда вопросов существенный вклад внесли также русские ученые.

Достижения советской науки в интересующей нас области в самом кратком изложении могут быть представлены в следующем виде.

В досоветской историографии при участии ряда европейских ученых (И. Маркварт, П. Кречмер и др.) была выработана весьма определенная концепция происхождения армянского народа. По этой концепции армяны, племена фрако-фригийского круга, носители армянского индоевропейского языка, появились в Малой Азии из Балкан вместе с фригийскими племенами около XII в. до н. э. В конце VII — начале VI вв. до н. э. армяны, продвигаясь на восток, вступили на Армянское нагорье, распространились здесь и ассимилировали местное население.

Наряду с реальными достижениями в области установления характера и родственных связей армянского языка этой концепции присуще было упрощение сложнейшей картины происхождения и образования народа, выражавшееся в отождествлении процессов этно- и глоттогенеза, а также в фетишизации роли иммигрировавших компонентов армянского народа. Следует отметить, что такая же схема этногенеза приписывалась и многим другим народам. Эта точка зрения была внесена в армянскую историографию Х. Самуеляном, Г. Ачаряном¹ и Я. А. Манандяном².

¹ Х. Самуелян, Культура древней Армении, I, Ереван, 1931 (на арм. яз.); Гр. Ачарян, История армянского языка, I, Ереван, 1940 (на арм. яз.). (Работы, изданные на русском языке, не оговорены.)

² Я. А. Манандян, Критический обзор истории армянского народа, I, Ереван, 1944, гл. I—II (на арм. яз.).

Дальнейшее изучение проблемы происхождения армянского народа, носившее отпечаток теории Н. Я. Марра, отличалось другой крайностью — почти полным игнорированием роли миграций и тем самым участия индоевропейского элемента в образовании армянского народа. В трудах Г. А. Капанцяна армянский язык, индоевропейский характер которого невозможно было отрицать начисто, считался смешанным языком, с преобладанием неиндоевропейских пластов³. К этому же направлению призывали работы А. С. Гарибяна и Б. Н. Аракеляна⁴.

Вместе с тем огромным достижением этого периода было фактическое начало исследования конкретных областей ареала складывания армянского народа — стран и племен, ставших его компонентами, прежде всего — Ванского царства (Урарту), в изучении которого приняли участие, кроме армянских ученых⁵, также русские, грузинские и другие исследователи. Стала объектом пристального внимания этноязыковая ситуация и других областей Армянского нагорья, в частности — области Хайаса, рассматриваемой как колыбель Армянского народа. Г. А. Капанцян в специальной монографии исследовал ономастику, топонимику, пантеон, а также политическую историю Хайасы, историю ее взаимоотношений с Хеттским царством, а также роль в этногенезе армян некоторых нехайасских племен, в особенности — арменов (арминов), представлявшихся Г. А. Капанцяну хурритами⁶.

В труде Б. Б. Пиотровского, посвященном происхождению армянского народа, на основе разнообразных источников (в том числе армянских — V в. н. э.) была рассмотрена страна Арме урартских надписей в качестве очага армянских племен. Б. Б. Пиотровским было сделано интересное заключение об участии армян в разгроме Ассирийской державы в конце VII в. до н. э.⁷

Сложившаяся в 40-х гг. точка зрения была исходной и для исследований С. Т. Еремяна. Тогда же им была высказана интересная, но, к сожалению, не получившая дальнейшего развития мысль о том, что нельзя рассматривать как заимствование ту часть армяно-иранских языковых и культурных общностей, которая относится к периоду становления армянского народа⁸. Следующая работа С. Т. Еремяна была посвящена изучению племенного союза Арме-Шуприя. Здесь дано подробное исследование этого, второго после Хайасы древнейшего объединения армянских племен и его роли в процессе образования армянского народа. Одно из племен объединения — мушки (мисийцы), по мнению С. Т. Еремяна родственное фригийцам племя, появилось вместе с ними в Малой Азии и поселилось в области Арме-Шуприя⁹. Такая постановка вопроса вовсе не означала возврата к старой миграционной теории, а вобрала в себя достижения обоих предшествовавших направлений.

То же относится к опубликованной несколько ранее работе И. М. Дьяконова, в которой четко разграничивались вопросы происхождения армянского языка и армянского народа. Согласно И. М. Дьяконову, индоевропейское ядро древнеармянского языка, родственное фрако-фригийским языкам, было привнесено немногочисленными пришлыми племенами; оно было обогащено далее «пироглифическим хеттским» и хуррито-урартскими языками. Народ же сложился в основном из хуррито-урартов и усвоивших армянский язык «пироглифических хеттов». И. М. Дьяконов вернулся

³ Г. А. Капанцян, К происхождению армянского языка, Ереван, 1946.

⁴ А. С. Гарибян, К вопросу о начальном периоде истории армянского народа, «Известия АН АрмССР. Общ. науки», 1946, № 9 (на арм. яз.); Б. Н. Аракелян, Миграционная теория и вопрос происхождения армянского народа, Ереван, 1948 (на арм. яз.).

⁵ О вкладе армянских ученых в изучение истории, языка и культуры Ванского царства см. Н. М. Постовская, Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959 гг.), М., 1961, гл. I, § 3; гл. III, § 6; гл. IV, § 8; гл. V, § 2.

⁶ Г. А. Капанцян, Хайаса — колыбель армян (этногенез армян и их начальная история), Ереван, 1947.

⁷ Б. Б. Пиотровский, О происхождении армянского народа, Ереван, 1946.

⁸ С. Т. Еремян, К вопросу об этногенезе армян, ВИ, 1952, № 7.

⁹ С. Т. Еремян, Племенное объединение армян в стране Арме-Шуприя, ИФЖ, 1958, № 3 (на арм. яз.).

к высказывавшейся уже точке зрения о происхождении этнонима *хай* от названия хеттов (Хате) ¹⁰

В общих чертах сходна с этой точкой зрения и картина, нарисованная румынским арменоведом Владом Бэнэцяну. Он не согласен, однако, с предыдущим объяснением происхождения этнонима *хай* и связывает его, как большинство исследователей, с Хайасой (С. Т. Еремян полагает, что Хате в начале I тыс. до н. э. включало также Хайасу и что оба эти названия могут быть увязаны с этнонимом *хай*). В работе В. Бэнэцяну содержится также ценный обзор исследований по проблеме происхождения армянского народа ¹¹.

В изданном в 1956 г. труде Я. А. Манандяна подробно рассмотрены вопросы локализации страны Хайасы и ее населенных пунктов ¹².

Последними по времени работами, связанными с излагаемой проблемой, являются труды Г. Б. Джаукяна, в которых автор стремится доказать принадлежность урартского языка и языка Хайасы к индоевропейской семье, не связывая, однако их непосредственно с армянским языком ¹³.

В настоящее время находится в процессе издания монография И. М. Дьяконова посвященная предистории армянского народа, в которой, в частности, дается яркая картина исторической и языковой обстановки Передней Азии и Армянского нагорья в периоды, предшествовавшие и современные становлению армянского народа. Подготавливается к изданию монография С. Т. Еремяна, выявляющая древнейшие этноязыковые связи протоармянских племен с греческим кругом и дальнейшие пути происхождения и образования армянского народа.

В досоветской армянской историографии наиболее существенный вклад в дело изучения общественного строя древней Армении был внесен Н. Адонцем. Неоценимая заслуга Н. Адонца состоит в том, что он впервые поставил изучение феодального строя Армении на солидную научную основу, дав глубокий анализ социально-правовой структуры раннефеодального общества, в частности — анализ нахарарства — крупной землевладельческой знати, ведущего класса эпохи феодализма. Однако при попытке охарактеризовать более ранние периоды развития общественного строя Армении Н. Адонц был стеснен крайней скудостью в античных источниках сведений по внутренней жизни Армении. Местные же источники, которые такие сведения содержат, начинаются с V в., и, следовательно, рисуют картину уже феодального строя, лишь намеками напоминая о строе предшествовавшего периода. Не имея методологических предпосылок для иного решения вопроса, Н. Адонц невольно приписал успешно исследованную им политическую и правовую структуру феодального общества также древней Армении, сравнивая период Аршакидов со средневековой Францией и находя там все классические феодальные институты последней ¹⁴.

Исходным пунктом Я. А. Манандяна, первого советского историка, занявшегося изучением социально-экономического строя древней Армении, была именно эта концепция Н. Адонца. Однако он внес много нового в части изучения структуры нахарарского строя и взаимоотношений нахарарства с центральной властью. Главное, что характеризовало его как советского историка, было то, что Я. А. Манандян впервые в армянской историографии обратился к изучению положения производителей

¹⁰ И. М. Дьяконов, Хетты, фригийцы и армяне, «Известия АН АрмССР. Общ. науки», 1956, № 11 (на арм. яз.); то же см. «Переднеазиатский сборник. Вопросы хеттологии и хурритологии», М., 1961 (на русск. яз.), стр. 333 слл.

¹¹ Влад Бэнэцяну, Некоторые вопросы этногенеза армян, ИФЖ, 1961, № 2

¹² Я. А. Манандян. О некоторых спорных проблемах истории древней Армении. 3. Сообщения хеттских, ассирийских, урартских и древнеармянских источников о Хайаса — Аззи, Ереван, 1956.

¹³ Г. Б. Джаукян, Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам, Ереван, 1964; то же см. ArOr, 1961, № 3 на англ. яз.; о н же, Урартский и индоевропейские языки, Ереван, 1963.

¹⁴ Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана. Политическое положение на основе нахарарского строя, СПб., 1908.

материальных благ в древней Армении, в основном, естественно, земледельческого населения¹⁵. Тщательное исследование имеющегося материала привело его к выводу, что крестьяне в Армении аршакидского периода находились в положении полусвободных крепостных, т. е. хотя и были прикреплены к земле, но были обязаны владельцу лишь податями, но не барщиной; могли иметь собственность, передавать ее по наследству, могли также откупаться и становиться свободными. Я. А. Манандян впервые поставил и проблему сельской общины в древней Армении, выявив в источниках данные о порядке подушного раздела земли между общинниками¹⁶. Работа Я. А. Манандяна вплотную подвела советскую историографию к марксистскому изучению социально-экономического строя древней Армении.

Я. А. Манандян затронул также вопрос о существовании и роли рабовладения в древней Армении и пришел к выводу, что оно носило патриархальный, домашний характер и не играло существенной роли в сфере производства материальных благ.

Проблемой рабства и рабовладения в Армении занимался непосредственно Х. Самуелян. Он считал, что существовали категории царских, закрепощенных, домашних и храмовых рабов. Исследуя их правовое положение, он заключил, что рабы имели некоторые, хотя и урезанные, права — приобретать в собственность необходимые для хозяйства вещи, освобождаться от рабства на определенных условиях и т. д. Однако хозяин мог продать, подарить, завещать раба. Число рабов в древней Армении Х. Самуелян, опираясь на цифровые данные о порабощении военнопленных, считал весьма значительным. Все это, однако, не помешало ему придерживаться точки зрения об извечном (наступившем еще в доурартский период) феодализме в Армении¹⁷. В труде, посвященном истории древнеармянского права, Х. Самуелян исследовал, кроме положения рабов, правовой статус также других классов и социальных категорий древнеармянского общества¹⁸.

Разработка в 30-х гг. в советской историографии концепции о рабовладельческом характере древневосточных обществ нашла свое выражение и в советской армянской историографии. С. Т. Еремян, опираясь также на работу, сделанную упомянутыми выше авторами, выработал точку зрения о рабовладельческом строе древней Армении¹⁹. Им была дана следующая периодизация развития этого строя: общинно-рабовладельческий период (VII—IV вв. до н. э.), период расцвета рабовладельческой экономики (III в. до н. э. — II в. н. э.), период кризиса и упадка рабовладельческих производственных отношений (III—IV вв. н. э.). С. Т. Еремян показал, что распространенные в древней Армении дастакерты и агараки были частновладельческими хозяйствами с применением рабской силы. Он показал также, что многочисленность исследованных и отчасти выявленных им терминов для обозначения рабского состояния свидетельствует о широком распространении рабовладения в древней Арме-

¹⁵ Я. А. Манандян, Феодализм в древней Армении (период Аршакидов и марзбанства), Ереван, 1934 (на арм. яз.). Монография была подготовлена серией статей преимущественно о положении крестьянства, изданных в 20-х гг.

¹⁶ Н. Адонц в 1925 г. за границей выступил против тезиса Я. А. Манандяна о существовании сельской общины в древней Армении. Явная неправомерность этого возращения не помешала, однако, автору в этой новой работе высказать ряд плодотворных мыслей о положении крестьянства в древней Армении и о земельных отношениях. Он оставил также сравнение армянской действительности I—IV вв. н. э. со средневековой Францией и совершенно естественно сопоставил Армению с восточными областями Римской империи, в частности, с соседней Малой Азией тех же веков (Н. Адонц, Древнеармянское шинаканство, сб. «Исторические исследования», Париж, 1948, на арм. яз.).

¹⁷ Х. Самуелян, Рабство в древней Армении, «Известия Института истории и литературы Армянской ССР», № 2, Ереван, 1937 (на арм. яз.).

¹⁸ Х. Самуелян, История древнеармянского права, I, Ереван, 1939 (на арм. яз.).

¹⁹ «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства» (на правах рукописи), ч. I—II, М.—Л., 1939, стр. 316 слл. (раздел С. Т. Еремына); С. Т. Еремян, Основные черты общественного строя Армении в эллинистический период, «Известия АН АрмССР. Общ. науки», 1948, № 11, он же, О рабстве и рабовладении в древней Армении, ВДУ, 1950, № 1.

нии и наличии многочисленных форм рабской зависимости. С. Т. Еремян проделал большую работу по исследованию армянской дофеодальной сельской общины, реконструировав ее структуру и жизнедеятельность с помощью соответствующего синхронного материала из сопредельных с Армянской стран. Он коснулся также вопроса о рабовладельческом характере государственного строя древней Армении.

Эта новая точка зрения вызвала споры, которые затем переросли в дискуссию о характере общественного строя древней Армении и о периодизации истории древней и средневековой Армении. Я. А. Манандян считал, что точка зрения о рабовладельческом строе полностью основана на отождествлении строя древней Армении со строем античных обществ — греческого и римского, в то время как по его мнению, в отличие от этих обществ в Армении основную роль в производстве играли не рабы, а общинное крестьянство²⁰. Эта аргументация была в дальнейшем поддержана С. Е. Акопяном²¹. А. Г. Абрамян выступил в поддержку концепции о рабовладельческом строе²².

В дальнейшем ходе развития советской историографии были выявлены формы рабовладельческих обществ, в частности — древневосточных, которые в своей эволюции отнюдь не повторяли путей развития древнегреческого и римского обществ, оставаясь, однако, рабовладельческими. Древневосточным обществам были присущи иные способы эксплуатации рабов, они могли быть наделены некоторыми средствами производства и получить для обработки собственный участок земли, в этих обществах всегда был значителен также и труд свободных или полусвободных сельских общинников.

В армянской советской историографии эти идеи получили конкретную форму дальнейшего выявления закономерностей и специфики социально-экономического строя древней Армении: в исследовании земельных отношений, городов, храмовых и частновладельческих хозяйств.

С. Т. Еремян, в труде, в котором на основании комплексного изучения источников была дана картина рабовладельческого общества древней Армении, а также в «Очерках истории СССР (III—IX вв.)» уточнил свои положения, усилил их аргументацию привлечением аналогичного материала из соседних с древней Арменией стран соответствующего периода²³.

Г. Х. Саркисян также направил основное внимание на выявление особенностей социально-экономического строя древней Армении и его эволюции. Он установил, что для рабовладения в Армении был характерен не классический путь развития рабства (зарождение, расцвет и кризис), но неравномерный, скачкообразный, более свойственный периферийным обществам древнего мира, когда, опираясь на достижения развитых стран, эти общества зачастую минуют отдельные этапы; у них не всегда возникают все соответствующие институты рабовладельческого общества и они быстро догоняют страны, стимулировавшие их развитие, и затем сами начинают играть цивилизующую роль в отношении сопредельных стран²⁴.

Из отдельных проблем истории древней Армении наибольшее внимание привлекла история городов и городской жизни. Начало ее исследованию было положено Я. А. Манандяном, изданной в 1930 г. монографией, в которой впервые были сведены воедино

²⁰ Я. А. Манандян, Проблема общественного строя доаршакидской Армении, «Исторические записки», т. 15, 1945.

²¹ С. Акопян, Рабство и рабовладельческая общественная формация в древней Армении, «Известия АН АрмССР. Общ. науки», 1948, № 8 (на арм. яз.). См. также С. Е. Акопян, История армянского крестьянства, I. Период раннего феодализма, Ереван, 1957, гл. III и IV (на арм. яз.).

²² А. Абрамян, О периодизации истории армянского народа, «Известия АН АрмССР. Общ. науки», 1947, № 2 (на арм. яз.).

²³ С. Т. Еремян, Рабовладельческое общество древней Армении, М., 1953 (автореф. докт. дисс.); «Очерки истории СССР (III—IX вв.)», М., 1958, стр. 167 слл. (раздел С. Т. Еремяна).

²⁴ Г. Х. Саркисян, О путях социально-экономического развития древней Армении, Ереван, 1962 (на арм. яз.).

дошедшие до нас известия о городах и торговле в древней и средневековой Армении. В книге рассмотрен вопрос о возникновении городов в Армении, торговых путях, пересекавших страну; им посвящена также отдельная монография Я. А. Манандяна²⁵. Автором, однако, крайне преувеличена роль городов как торговых центров, значение транзитной торговли в развитии или упадке городов.

В более широком аспекте города древней Армении рассмотрены в статье С. Т. Еремяна, в которой помимо вопросов происхождения и торговой роли городов автор останавливается и на развитии в городах ремесленного производства, организации ремесла, внутренней структуры городов, их взаимоотношений с центральной властью. С. Т. Еремян приходит к выводу о рабовладельческом характере городов древней Армении²⁶.

Часть этих вопросов, а также и некоторые другие исследованы в книге Г. Х. Саркисяна, который на фоне городской жизни древнего и эллинистического Востока обрисовал политическое устройство древнеармянских городских общин; их государственно-правовой статус, роль в борьбе центральной власти с нахарарством, сопровождавшей переход к феодальному строю в Армении²⁷.

Вопросы возникновения древнеармянских городов и их развития рассмотрены также в статьях С. Кряжаряна²⁸.

Проблема древнеармянских храмов и их хозяйств была подробно исследована А. Г. Периханяном с привлечением значительного материала малоазийских надписей. А. Г. Периханян проследила процесс сложения храмов и их хозяйств, определила социальные слои населения храмовых округов и положение жречества, выяснила характер зависимости производителей материальных благ от храмов, роль храмов в экономической и политической жизни страны, их взаимоотношения с царской властью, которые представляются автору сходными с взаимоотношениями этой власти с городами, и др. вопросы²⁹.

Внимание исследователей привлекала также проблема земельных отношений в древней Армении. Ей были посвящены разделы в уже упомянутых трудах Я. А. Манандяна и С. Т. Еремяна, где была дана характеристика положения крестьянства, применения рабского труда в сельском хозяйстве и др. А. Г. Периханян в специальной статье осветила спорный вопрос об одной из категорий землевладельцев древней Армении — востаниках, установив, что первоначально это были условные наследственные владельцы наделов, выделенных из царской земли³⁰.

В первом томе труда С. Е. Акопяна, посвященном истории армянского крестьянства, собраны и исследованы данные об отраслях сельского хозяйства в древней Армении, средствах труда, сельской общине, различных категориях производителей материальных благ, занятых обработкой земли, способах феодальной эксплуатации и др.³¹

Из сказанного следует, что проблема социально-экономического и общественного строя древней Армении находилась, что совершенно естественно, в центре внимания

²⁵ Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э. — XV в. н. э.), Ереван, 1930; изд. 2-е — Ереван, 1954; он же, Главные пути Армении по Tabula Peutingeriana, Ереван, 1936 (на арм. яз.).

²⁶ С. Т. Еремян, Развитие городов и городской жизни в древней Армении, ВДИ, № 3.

²⁷ Г. Х. Саркисян, Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин, М., 1960.

²⁸ С. М. Кряжарян, Возникновение городов в Армении во II в. до н. э. — III в. н. э., «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1961, № 4 и др. ИФЖ, 1964, № 4 (на арм. яз.) и др.

²⁹ А. Г. Периханян, Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н. э. — III в. н. э.), М., 1959.

³⁰ А. Г. Периханян, Древнеармянские востаники, ВДИ, 1956, № 2.

³¹ С. Е. Акопян, История армянского крестьянства, I. Период раннего феодализма, Ереван, 1957 (на арм. яз.).

советской армянской историографии. Очевидно, однако, и то, что разработка этой проблемы, начавшаяся по существу сравнительно недавно, еще далека от завершения и еще потребует многих усилий исследователей как в направлении освещения отдельных явлений социально-экономической жизни (в частности, роли сельской общины, рабского труда и других видов эксплуатации и их соотношения, характера и структуры господствующих классов и т. п.), так, разумеется, и в направлении уточнения и совершенствования общей концепции.

В наследстве, полученном советской армянской историографией от досоветского периода исторической науки, наиболее весомую и разработанную часть составляет политическая история древней Армении. Традиции армянской историографии в этой области восходят к раннему средневековью. Мовсеса Хоренаци (V в. н. э.), в меньшей мере и некоторых других авторов, с равным правом можно рассматривать и как историков-повествователей, и как историков-исследователей. В новое время научное исследование политической истории также достигло значительного уровня; мы можем здесь назвать труды М. Чамчяна (конец XVIII в.) и А. Гарагашяна (конец XIX в.), усилиями которых (и, разумеется, других исследователей) была создана весьма разработанная ткань политической истории армянского народа.

Однако и здесь советская историческая наука внесла свой существенный вклад, который связан прежде всего с именем Я. А. Манандяна. Первым крупным его исследованием в этой области была монография, посвященная одному из узловых периодов истории Армении, эпохе Тиграна II (первая половина I в. до н. э.). История этого периода освещена преимущественно буржуазными европейскими учеными (Т. Моммзен, Т. Рейнак и др.) с европоцентристских позиций, с игнорированием роли армянского государства того времени и умалением значения личности Тиграна II, который выступал как «варвар» и слепое орудие в руках своего союзника Митридата Евпатора. Эта точка зрения отрывала историю армянского государства периода Тиграна II от предшествовавших этапов его развития, а деятельность самого Тиграна — от эллинистических традиций, которыми она была проникнута. Против нее-то и выступил Я. А. Манандян.

Он показал, что развитие и усиление Армении, равно как и проникновение эллинистических традиций и возникновение городов эллинистического типа, началось задолго до Тиграна II, что при нем имел место лишь следующий, очередной этап развития этих процессов, что борьба Тиграна с Римом была не реакцией против цивилизующего влияния Рима, а наоборот, защитой достижений эллинистического мира. Показана самостоятельность его внешней политики. Наконец, в новом освещении дан и весь ход армяно-римских войн³².

Эта монография в дальнейшем стала ядром первого тома капитального много томного труда Я. А. Манандяна по истории Армении, который в настоящее время является новейшим развернутым систематическим изложением древнего периода истории армянского народа³³. Особенность этого труда в том, что автор сосредоточил в нем внимание на наименее разработанных вопросах и периодах истории, следствием чего являются многочисленные разделы, в которых совершенно по-новому освещен ход исторического процесса. В первом томе с этой точки зрения следует отметить главы, посвященные периоду мидоперсидского владычества (где искусно использованы данные «Киропедии» Ксенофонта, традиционно считавшейся лишь литературным памятником), истории первой половины II в. до н. э. — времени образования и укрепления Великой Армении; истории неясного периода конца I в. до н. э. (об эпохе Тиграна II уже было сказано). В первой части II тома, доводящей изложение до начала V в. н. э., нужно прежде всего указать на разработку истории Армении II и особенно

³² Я. А. Манандян, Тигран II и Рим в новом освещении по первоисточникам, Ереван, 1940 (на арм. яз.); Ереван, 1943 (на русск. яз.).

³³ Я. А. Манандян, Критический обзор истории армянского народа, т. I. С древнейших времен до утверждения Аршакидов в Армении (66 г. н. э.), Ереван, 1944; т. II, ч. I, С утверждения Аршакидов до марзбанского периода (I—V вв.), Ереван, 1947 (на арм. яз.).

III в. н. э., времени, исключительно плохо освещенного источниками. Греко-римские источники касаются этого периода уже очень поверхностно, а армянские — еще очень слабо. Заново изучив сохранившиеся отрывочные данные, Я. А. Манандян сумел дать связное изложение истории этого темного периода.

Специальные и более общие исследования по древней истории Армении, появившиеся в 30-е и 40-е гг., сделали возможным изложить историю армянского народа с марксистских позиций. Попытки создать такой курс проводились Институтом истории АН Армянской ССР в 40-х гг.³⁴ и увенчались успехом в 50-е гг. Было издано трехтомное пособие, написанное коллективом авторов, первый том его охватывал историю древней и средневековой Армении³⁵. Основным автором разделов по древней Армении был С. Т. Еремян, который изложил политическую историю, исходя из выдвинутой им концепции рабовладельческого строя в древней Армении. Им была дана новая периодизация, опиравшаяся не на смену династий, как диктовала историографическая традиция, а на изменения в социально-экономическом базисе общества. Изложение отличалось свежестью трактовки ряда событий и периодов с учетом социально-классовой борьбы. Недостатком изложения была известная схематичность.

К этому пособию был издан географический атлас, в котором нашло отражение территориальное расширение древнеармянского государства³⁶. Атлас был составлен С. Т. Еремяном на основе многочисленных исследований. Помещенные в «Атласе Армянской ССР», эти карты являются шагом в развитии исторической географии и картографии Армении и Закавказья³⁷.

Учебное пособие послужило основой для создания в дальнейшем специализированных курсов истории армянского народа. Был издан (и в дальнейшем перепечатан) школьный учебник; в 1961 г. Институтом истории АН АрмССР был составлен и издан (на правах рукописи) проспект многотомного коллективного труда по истории армянского народа³⁸, который в настоящее время близок к завершению. Наконец, в 1963 г. Ереванским гос. университетом был издан первый том вузовского курса «История армянского народа»³⁹. Историю древней Армении здесь удачно изложил А. Жамкочян⁴⁰. Очень хорошо изложена она также О. В. Кудрявцевым во II томе «Всемирной истории»⁴¹.

За последние годы сделаны новые шаги в исследовании отдельных эпох истории древней Армении. Из таких исследований следует назвать работы Г. А. Тирацян, в которых по-новому, с привлечением свежего материала освещен чрезвычайно важный, но весьма темный период, каковым является правление династии Ервандуни (IV—III вв. до н. э.)⁴². Г. Х. Саркисян исследовал институт обожествления и культа

³⁴ «История армянского народа». Пособие для средних школ, ч. I, под ред. М. Г. Нерсисяна и К. Г. Кафадаряна, Ереван, 1943 (на арм. яз.); Ереван, 1944 (на русск. яз.).

³⁵ «История армянского народа», ч. I, под ред. Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна, Ереван, 1951 (на арм. и русск. яз.); «История армянского народа». Пособие для средней школы, ч. I, под ред. М. С. Асратяна, Б. Н. Аракеляна, С. Т. Еремяна, Ереван, 1956 (на арм. яз.).

³⁶ С. Т. Еремян, Атлас к книге «История армянского народа», ч. I, Ереван, 1952 (на арм. и русск. яз.).

³⁷ «Атлас Армянской ССР», Ереван, 1961, карты № 101—111.

³⁸ «История армянского народа». Проспект. Институт истории АН АрмССР, Ереван, 1961 (на правах рукописи) (на арм. яз.).

³⁹ «История армянского народа», т. I, под ред В. А. Парсамяна, Ереван, 1963 (на арм. яз.).

⁴⁰ Изданию тома предшествовал выход в свет материалов отдельными выпусками: А. Жамкочян, Армения в период первобытнообщинного строя и рабовладения, вып. I, Ереван, 1961; А. Абрамян, Армения в период раннего феодализма, вып. 2, Ереван, 1955 (оба на арм. яз.).

⁴¹ «Всемирная история», II, М., 1956, стр. 418—424; 682—687.

⁴² Г. А. Тирацян, Ервандуни в Армении, «Известия АН АрмССР. Общ. науки», 1958, № 6 (на арм. яз.); он же, Страна Коммагена и Армения, там же, 1956, № 3.

царей и царских предков в древней Армении⁴³. Работа С. Т. Еремяна о данных надписи Шапура II вписывает совершенно новые страницы в историю Армении III в. н. э.⁴⁴

Отличительной чертой советской армянской историографии явилось освещение социально-политической борьбы внутри армянского общества — темы, обойденной досоветской историографией. Кроме общих изданий, она затронута также в специальных исследованиях. А. Н. Зорьян выступил с той точкой зрения, что раздел Армении между Ираном и Византией в 387 г. был обусловлен не только внешнеполитическими обстоятельствами, но подготавливался также в значительной мере социальной борьбой между нахарарством и церковью, с одной стороны, и центральной властью, с другой, что ослабило государство⁴⁵.

Этот вопрос был разработан в дальнейшем С. Т. Еремянном, который в отличие от А. Н. Зорьяна видел в Аршакидах не один из феодальных домов (хотя и сильнейший), но считал руководимый ими государственный аппарат в основе своей дофеодальным, рабовладельческим. По мнению С. Т. Еремяна, государство Аршакидов приспособлялось первое время к возникавшим феодальным отношениям, но в конце концов в IV в. вступило с ними в конфликт⁴⁶.

Важнейший вопрос об участии в этой борьбе низов — крестьян-общинников, рабов, городской бедноты, о которой источники сообщают крайне мало, был затронут Л. С. Хачикяном⁴⁷. Взяв за основу менее скудные данные о Малой Армении, он показал, что эксплуатируемые массы деревни и города, доведенные до крайности усилением гнета, сопровождавшего переход к феодальному, выступали совместно против эксплуататоров, разумеется, под религиозным покровом, выработав свои «еретические» нормы, исключавшие частную собственность. Это движение перекликалось с аналогичными выступлениями в Великой Армении во второй половине IV в.

Немало сделано также для разработки вопросов истории духовной культуры древней Армении. Важным вкладом в изучение религии древних армян явились в особенности труды Г. А. Капанцяна⁴⁸ и Т. А. Авдалбегяна⁴⁹. Древнейшие сведения о театре в Армении были исследованы Г. О. Гояном⁵⁰.

Изобретение армянских писем Месропом Маштоцем в начале V в., явившееся событием огромного значения в истории армянского народа, также стояло в центре внимания советской армянской историографии. И здесь мы также должны назвать работу Я. А. Манандяна, в которой был разобран не только ход событий, но и вскрыто, как явствует из заглавия, значение изобретения писем для культурной и национальной самостоятельности армянского народа⁵¹. Празднование в 1962 г. 1600-летия со дня рождения Месропа Маштоца явилось стимулом для выступления ряда армянских историков и филологов с научными трудами, в которых рассмотрены эпоха, предпосылки, ход изобретения писем, а также ближайшие и дальнейшие последствия этого события в политических и духовных судьбах армянского народа⁵².

⁴³ Г. Х. Саркисян, *Обожествление и культ царей и царских предков в древней Армении*, ВДИ, 1966, № 2.

⁴⁴ С. Т. Еремян, *Данные надписи «Кааба-и-Зардушт» об Армении*, ИФЖ, 1966, № 2 (на арм. яз.).

⁴⁵ А. Н. Зорьян, *Внутриклассовая борьба в армянском аршакидском царстве в последний период (330—387 гг.)*, «Известия Института истории и литературы АрмССР», 1936, № 1 (на арм. яз.).

⁴⁶ «Очерки истории СССР» (III—IX вв.), М., 1958, стр. 185 слл. (раздел С. Т. Еремяна).

⁴⁷ Л. С. Хачикян, *Из истории социальных движений Малой Армении (IV в.)*, Ереван, 1951 (на арм. яз.).

⁴⁸ Г. А. Капанцян, *Хеттские боги у армян*, Ереван, 1940; он же, *Культ Ара Прекрасного*, Ереван, 1944 (на арм. яз.).

⁴⁹ Т. А. Авдалбегян, *Бог Михр у армян*, Вена, 1921 (на арм. яз.).

⁵⁰ Г. Гоян, *2000-летие армянского театра. I. Театр древней Армении*, М., 1952.

⁵¹ Я. А. Манандян, *Месроп Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность*, Ереван, 1941 (на русск. яз.).

⁵² Г. Севак, *Месроп Маштоц*, Ереван, 1962 (на арм. и русск. яз.). Предисловие К. А. Мелик-Оганджаняна к русскому переводу труда Корюна «Житие Маштоца».

Наконец, мы должны остановиться также и на источниковедческом круге проблем армянской историографии. По истории древней Армении существуют две группы иноязычных источников — повествовательные и эпиграфические. Изучение обеих групп восходит к началу армянской историографии (V в.): уже Мовсес Хоренацци пользовался сведениями античных историографов и иноязычных надписей для изложения истории Армении. В новое время почти полностью были выявлены все те материалы в трудах античных авторов, которые содержали известия об Армении и армянах, и было начато их изучение.

В советский период это изучение было продолжено в уже упомянутых трудах. В Ереванском университете было положено также начало изданию серии «Иностранные источники об армянах». Однако из источников по истории древней Армении было издано лишь два выпуска — соответствующие отрывки из Страбона (составление, перевод и комментарии Гр. Ачаряна) и Тацита (составление, перевод и комментарий П. Сотникяна)⁵³. К сожалению, серия прервалась.

В настоящее время Академией наук АрмССР вновь основана серия «Иноязычные источники об Армении и армянах». В этой серии уже вышел в свет том, посвященный соответствующим трудам Прокопия Кесарийского (составление, перевод и комментарий Г. Бартикяна).

Изучение иноязычных эпиграфических источников в основном составляет заслугу советской историографии. Главное внимание исследователей было направлено на надписи на греческом и арамейском языках. Греческие надписи Армавира впервые были прочтены и опубликованы А. И. Болтуновой⁵⁴. Дальнейшим их исследованием занимались Я. А. Манандян, который дал правильную датировку надписей — грань III и II вв. до н. э. — и извлек из них ряд данных для освещения истории этого периода⁵⁵, и К. В. Тревер, давшая тщательный разбор текстов надписей и их интерпретацию как текстов, использовавшихся для прорицания в армавирском храме⁵⁶.

Греческой надписью из Гарни занимался ряд исследователей (С. Д. Лисицян, Я. А. Манандян, А. Г. Абраамян, К. В. Тревер, Б. Н. Аракелян, Г. Х. Саркисян, Л. А. Ельницкий и др.). К. В. Тревер дала правильное чтение сохранившейся части надписи, ее датировку — I в. н. э. и интерпретацию и попыталась также восстановить текст недостающей части с помощью ряда армянских слов⁵⁷.

Велось также исследование арамейских надписей, в частности стереотипных надписей, найденных в нескольких экземплярах на берегу озера Севан. И. А. Орбели указал, что это те самые межевые камни, о которых упоминает Мовсес Хоренацци, приписывая их установление Арташесу. Дальнейшие исследования, проведенные А. Я. Борисовым⁵⁸, И. М. Дзяконовым, К. Б. Старковой, с несомненностью подтвердили это мнение⁵⁹. В текстах надписей упоминается Арташес I (189—160 гг. до н. э.) и проведенное им межевание полей. Один из вновь найденных экземпляров таких межевых камней был опубликован Г. А. Тирацяном⁶⁰. В Гарни в 1961 г. была обна-

Ереван, 1962, См. также журналы: ИФЖ, 1962, № 2; «Известия АН АрмССР. Общ. науки», 1962, № 5; «Банбер Матенадарани», 1964, № 7; «Эчмиадзин» (номера за 1962 г.).
⁵³ «Иностранные источники об армянах». № 1. Страбон, Ереван, 1940; № 3. Тацит, Ереван, 1941.

⁵⁴ А. И. Болтунова, Греческие надписи Армавира, «Известия АрмФАН СССР», 1942, № 1—2.

⁵⁵ Я. А. Манандян, Армавирские греческие надписи в новом освещении, Ереван, 1946 (на арм. и русск. яз.).

⁵⁶ К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, стр. 104 слл.

⁵⁷ К. В. Тревер, Надпись о построении армянской крепости Гарни, Л., 1949; она же, Очерки по истории культуры..., стр. 174 слл.

⁵⁸ А. Я. Борисов, Надпись Артаксия (Арташеса), царя Армении, ВДИ, 1946, № 2.

⁵⁹ И. М. Дзяконов, К. Б. Старкова, Надписи Артаксия (Арташеса I), царя Армении, ВДИ, 1955, № 2.

⁶⁰ Г. А. Тирацян, Новонайденная арамейская надпись Арташеса I, «Известия АН АрмССР, Общ. науки», 1957, № 10 (на арм. яз.).

ружена арамейская надпись совсем иного содержания, которая исследована А. Г. Периханян; надпись упоминает царя Вагарша (Вологеза), датируется второй половиной II—началом III в. ⁶¹. Недавно в районе Сиспана обнаружена еще одна арамейская надпись Арташеса I, по содержанию отличная от севанских надписей. Она также опубликована А. Г. Периханян ⁶².

Изданная в 1953 г. работа К. В. Тревер явилась по существу первым сводом иноязычных надписей, относящихся к истории древней Армении. К. В. Тревер уточнила обстоятельства их находок, чтение, перевод и датировку надписей. Следует отметить также исследование ею греческих надписей из района Малатии и из Анарана ⁶³.

Большая работа была проделана также по исследованию и изданию источников по истории древней Армении от времени раннего Средневековья. Был осуществлен перевод на современный армянский язык ⁶⁴, а также на русский язык ⁶⁵ «Истории Армении» автора V в. Фавстоса Бузанда — важнейшего источника по истории Армении IV в.

Продолжалось изучение «Истории Армении» в изложении великого армянского историка V в. Мовсеса Хоренаци, основного национального повествовательного источника по древней истории страны. С. Малхасянцем был сделан новый перевод текста на современный армянский язык ⁶⁶. Обсуждался вопрос о времени жизни историка. Если в труде Я. А. Манандяна еще проявилась возникшая в конце XIX в. точка зрения, датировавшая Хоренаци VI—IX вв. ⁶⁷, то работы М. Абеяна ⁶⁸, С. Малхасянца ⁶⁹, Т. Авдалбегяна показали ее ошибочность. Последний, в частности, успешно опроверг тезис Я. А. Манандяна о позднем характере языка Хоренаци ⁷⁰. Продолжалась разработка вопроса о хронологической канве «Истории Армении» Хоренаци ⁷¹. Последней по времени работой, посвященной проблематике Хоренаци, является монография Г. Х. Саркисяна, в которой сделана попытка выявить преемственность развития историографии на почве Армении от эллинистического периода до Мовсеса Хоренаци ⁷².

А. Г. Абраамян издал критический текст «Истории Тарона» ⁷³ Иоанна Мамиконяна, важный источник для истории древней Армении, а С. Малхасянц — критический текст, а также русский перевод «Истории епископа Себеоса» ⁷⁴, в составе которой сохранилась так называемая «Начальная история Армении», принадлежность кото-

⁶¹ А. Г. Периханян, Арамейская надпись из Гарни, ИФЖ, 1964, № 3.

⁶² А. Г. Периханян, Арамейская надпись из Зангезура, ИФЖ, 1965, № 4.

⁶³ Тревер, Очерки по истории культуры..., стр. 104—288.

⁶⁴ Фавстос Бузанд, История Армении (пер. на совр. арм. яз. С. Малхасянца), Ереван, 1947.

⁶⁵ «История Армении Фавстоса Бузанда» (пер. М. А. Геворкяна), Ереван, 1959.

⁶⁶ Мовсес Хоренаци, История Армении, Ереван, 1940; изд. 2-е, Ереван, 1961.

⁶⁷ Я. Манандян, Разрешение проблемы Хоренаци, Ереван, 1934 (на арм. яз.).

⁶⁸ М. Абеян, История древнеармянской литературы, I, Ереван, 1944 (на арм. яз.); Ереван, 1948 (на русск. яз.).

⁶⁹ С. Малхасянц, О проблеме Хоренаци, Ереван, 1940 (на арм. яз.).

⁷⁰ Т. Авдалбегян, Язык «Истории» Хоренаци в связи с периодами греко-фильской школы (доклад, прочитанный 13 ноября 1934 г. в Институте истории культуры ССРА; ныне в процессе издания в книге Т. А. Авдалбегяна «Арменоведческие исследования»).

⁷¹ С. Малхасянц, «Приложение» к переводу «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци на современный армянский язык, Ереван, 1940; изд. 2-е — Ереван, 1961; Т. Авдалбегян, Новый опыт восстановления оригинала хронологии «Истории Хоренаци», ИФЖ, 1964, № 4 (на арм. яз.); Г. Х. Саркисян, Хронологическая система «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци, Ереван, 1965 (на арм. яз.).

⁷² Г. Х. Саркисян, Армения эллинистического периода и Мовсес Хоренаци, Ереван, 1966 (на арм. яз.).

⁷³ Иоанн Мамиконян, История Тарона, Ереван, 1962 (древнеармянский текст).

⁷⁴ «История епископа Себеоса», Ереван, 1939 (древнеармянский текст), Ереван, 1939 (на русск. яз.).

рой к «Истории» Себеоса давно оспаривалась. Г. Абгарян в своей монографии показал, что «Начальная история Армении» действительно не имеет отношения к этой «Истории» ⁷⁵.

М. Абегианом был издан критический текст и перевод на современный армянский язык «Жития Маштоца» (повествующего об изобретении Месропом Маштоцем армянских писем на грани IV и V вв.), написанного учеником Месропа, Корюном ⁷⁶. Русский перевод «Жития» осуществлен Ш. В. Смбатианом и К. А. Мелик-Оганджанианом ⁷⁷.

Этот, не претендующий на полноту обзор имел целью познакомить читателей ВДИ главной проблематикой советской исторической науки в Армении с в области древнего периода истории страны и народа.

Достижения досоветской и советской армянской историографии сделали возможным создание семитомного коллективного труда «История армянского народа», где истории древней Армении посвящен I том и часть II тома.

Г. Х. Саркисян

⁷⁵ Г. Абгарян, «История Себеоса» и проблема Анонима, Ереван, 1965 (на арм. яз.).

⁷⁶ Корюн, Житие Маштоца, Ереван, 1941 (древнеармянский текст и пер. на совр. арм. яз.).

⁷⁷ Корюн, Житие Маштоца, Ереван, 1962.

ПРОБЛЕМА ПАДЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(Из истории вопроса)

Исследователи древней истории знают несколько «вечных» проблем. К их числу, кроме падения Римской республики ¹, относится и гибель Империи. Последние столетия жизни Империи представляются известным рубежом всемирной истории исследователям самых различных направлений ², хотя их оценки событий принципиально расходятся ³. Историки-марксисты рассматривают IV—VIII вв. как переходную историческую эпоху смены одной общественной формации другой. Эпоха эта уходит корнями в далекое прошлое и содержит элементы новых феодальных отношений, для перехода к которым невозможно наметить резкую грань и тем более определенную дату ⁴. Тем не менее переход этот осуществился, а его характер и сущность заслуживают определения.

Советская историография античности начала свое существование с овладения теоретическим наследством марксизма. Этот сложный процесс, хорошо описанный в но-

¹ См. С. Л. Утченко, Становление Римской империи и проблема социальной революции, ВИ, 1964, № 7, стр. 105; он же, Кризис и падение Римской республики, М., 1965.

² W. Seyfarth, Soziale Fragen der Spättrömischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus, В., 1963, стр. 8—9.

³ Идеалистическое направление не признает социально-экономическую основу периодизации исторического процесса, рассуждает об античной и западной фазах европейской истории, мост между которыми будто бы соорудил император Константин М. там же, стр. 1—4.

⁴ К. К. Зельин, Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии с конца III в. до нач. VIII в. н. э., ВДИ, 1964, № 4, стр. 103.